

Улусная система Монгольской империи

Система управления в империи, основанная на военно-административном делении всего государства, основы которой были заложены еще на рубеже XII–XIII вв. самим Чингиз-ханом, оказалась не только жизнеспособной в военно-политическом плане, но и оказывала сильное влияние на социально-политическое и этническое развитие многих завоеванных монголами народов.

Согласно сложившейся государственной традиции номадов, государство для более эффективного управления разделялось в военно-административном отношении на крылья и улусы. В этом плане Монгольская империя и ее улусно-крыльевая система являются самым ярким примером. Разделение армии и населения на крылья и улусы спроецировалось на административное устройство всей монгольской империи.

Проекция военной системы деления на административно-территориальную систему было характерным явлением большинства государств, созданных кочевниками евразийского степного пояса. «Совпадение общественной и военной структуры, – отмечал по этому поводу Г.А. Федоров-Давыдов, – характернейшее явление общественного строя кочевников Центральной Азии» [Федоров-Давыдов 1973, с. 50].

Самым крупным войсковым делением, соответственно нашедшим отражение и в административно-территориальном делении всего государства, было крыльевое деление. Правое крыло (фланг), по-монгольски *бараун гар* (правая рука), в мусульманских источниках использовался его арабский эквивалент *меймане*, и в войске находилось на правом фланге, при территориальном делении занимало западную часть. Левое крыло (фланг), по-монгольски *зуун гар* (левая рука), соответственно в мусульманских источниках – *мейсаре*, в войске – левый фланг, территориально – восточная часть государства [Рашид ад-дин 1952б, с. 266–267]. На первом этапе административного деления империи существовал еще и центр (*Голун улус, гол*) (см.: [Трепавлов 1993, с. 96–97], ср.: [Юдин 1983, с. 151]). Все три военно-административных деления имели четко обозначенное территориальное значение.

Территориальное расположение крыльев происходило согласно традиционной монгольской ориентации по сторонам и направлениям света. Согласно ей основной стороной (лицевой, передней) считался юг, а север считался задней стороной. Данный способ определения

сторон света, относящейся к линейной (солярной) геосимволистике, являлся одним из самых распространенных и был связан с культом Юга, с культом Полуденного солнца [Кононов 1978б, с. 73, 89], исходя из этого запад у монголов считался правой стороной, а восток – левой ([Кононов 1978б, с. 73, 89]; см. так же: [Бартольд 1966, с. 392]).

Следующей административно-территориальной единицей был улус. Несколько улусов составляли крыло [Трепавлов 1993, с. 96]. Однако понимание термина улус во многом зависело от того контекста, в котором оно употреблялось. Когда источники говорят о Еке Монгол Улусе, здесь понимается вся империя, которая состояла из крыльев. Но каждое крыло, как уже было отмечено, состояло из улусов, хотя его дальнейшая градация имела разные военные и административные значения. Самыми крупными были улусы Джучи, Чагатая, Хулагу и каанский улус (коренной юрт), включавший в себя владения Угедая и Тулуя [Трепавлов 1993, с. 97–98], окончательно сформировавшиеся к началу второй половины XIII в. Затем шли улусы руководителей туменов и тысяч. Этот принцип отражал суть военно-административного устройства монгольского государства, когда каждое крыло делилось на тумены (тьмы), тысячи, сотни и десятки [Сандаг 1977, с. 35; Рашид ад-дин 1952б, с. 266–267].

Именно эта, так называемая, улусная система или структура, легшая в основу административно-территориального устройства всей Монгольской империи, стала определяющим фактором всех дальнейших не только социально-политических, но и этнических процессов, протекавших в различных регионах государства и, прежде всего, в Восточном Дашт-и Кыпчаке, входившем составной частью в один из первых и самых крупных чингизовских улусов – Улус Джучи.

Что представляло собой понятие *улус*? Формирование его как социально-политического понятия исследователи относят к эпохе становления монгольского государства и этнической консолидации его народа. Один из первых его исследователей Б.Я. Владимирцов писал: «У древних монголов всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, каана, нояна, тайши, баатура и т.д., называлось «ulus», т.е. «народ-владение», «народ-удел»... Ввиду этого слово «ulus» может быть переводимо, с известными оговорками, как «удел, владение»; только монголов, как истых кочевников, в понятии этом больше интересуют люди, а не территория: действительно, первоначальное значение слова «ulus» и есть именно «люди». Поэтому слово «ulus» может быть передано и как «народ», то есть «народ-удел», «народ, объединенный в таком-то уделе или образующий удел-владение». Впоследствии «ulus» означает уже «народ-государство», «народ, образующий

государство-владение», «государство» [Владимирцов 1934, с.97]. Разбирая сведения «наших главнейших источников» (выражение Б.Я. Владимирцова) «Монгол-ун ниуча тобчаан» и «Джами ат-таварих» о термине «улус», современный его исследователь Е.И. Кычанов пришел к заключению о том, что улус «являлся высшей формой социальной организации татаро-монгольских племен в XII в.» [Кычанов 1986, с. 94]. По его мнению, улус являлся не племенной организацией и не союзом племен и тем более «улус это не просто люди, а особым образом организованный народ» [Кычанов 1986, с. 95]. «Это была власть, – подытоживает исследователь, – стоявшая над народом, отражавшая интересы господствующего класса, власть публичная, воплощенная в государственном механизме определенного устройства» ([Кычанов 1986, с. 96], ср.: [Скрынникова 1989, с. 33]).

Основу улуса составляли люди (*ирген*, *иркен* – простые люди; Б.Я. Владимирцов передает словом «племя», «подплемя» [Владимирцов 1934, с.59]), которыми управлял правитель, представитель конкретного рода (*уруга*, *урука*). «Угух'ами (родичами) – писал Б.Я. Владимирцов – считались не только члены данного рода, но и всех родов, кровно связанных между собою происхождением от единого общего предка, родов одной кости» [Владимирцов 1934, с.60], представители других родов были джадами (*jad*) – чужаками [Владимирцов 1934, с.59].

В территориальном отношении улус, хоть и был в силу кочевого быта подвижен, но всегда имел свой *нунтук* (*nuntux* или *nutuq*), в тюркских языках *юрт* (*jurt*), определенную, относительно стабильную территорию – *кочевье* [Владимирцов 1934, с.57].

Созданное в 1206 г. на основе такого улуса единое тюрко-монгольское государство вобрало в себя государственно-политические традиции представителей других современных ему улусов⁹. И как справедливо писал в этой связи Е.И. Кычанов, «трудно допустить, что это были только «зачатки», «эмбрионы» власти государственной, ибо за их спиной было полторы тысячи лет центральноазиатской государственности» [Кычанов 1993, с. 95].

Для предотвращения центробежных тенденций и скорого распада вновь созданного государства, в целях более эффективного управления подвластной территорией, Чингиз-хан продолжая древние кочевые традиции, начинает раздавать улусы своим родственникам и приближенным. Раздача улусов, составлявшая суть улусной системы монгольской империи, нашла свое яркое отражение в основных источниках той эпохи – «Тайной истории» («Монгол-ун ниуча тобчаан») анонимного автора и «Сборника летописей» («Джа-

ми ат-таварих») персидского хрониста и управленца Ильханов Ирана Рашид ад-дина.

«По завершении устройства Монгольского государства, – говорится в «Тайной истории», – Чингиз-хан соизволил сказать: “Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в создании государства”. И нарек он и поставил нойонами-тысячниками нижепоименованных девяносто и пять нойонов-тысячников...» [Козин 1941, § 202, с. 158]. Своим давним сподвижникам, доказавшим свою верность и способности, Чингиз-хан доверил управление главными улусами страны.

«Пусть Боорчу, – гласит приказ Чингиз-хана, – ведает тьмою (*tumen*) Правого корпуса (*baraun qar*), прилегающей к Алтаю», а «Мухали Го-ван ведает тьмою Левого корпуса (*jaoun qar*), примыкающей к Хараун-чжидуну» [Козин 1941, § 205, 206, с. 161]. Тайчуит Наяя, сын Ширгету-Евгена, находившийся ранее на службе у Таргутай-Кирилтуха, получил «Центральную тьму» [Козин 1941, § 220, с. 168]. «Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство» [Козин 1941, § 224, с. 168]. Кроме этого он роздал улусы своей матери, сыновьям и младшим братьям: «дал 10 000 юрт матери совместно с Отчигином ... Чжочию выделил 9000 юрт, Чаадаю – 8000, Огодаю – 5000, Толую – 5000, Хасару – 4000, Алчидаю – 2000 и Бельгутаю – 1500 юрт» [Козин 1941, § 242, с. 176]. К каждому улусу он приставил своих сподвижников [Козин 1941, § 243, с. 176].

Рашид ад-дин в своем обширном труде посвятил несколько разделов описанию каждой «тысячи», разверстанной по улусам и вошедших в «гол – это была личная тысяча [*хазарэ-и хасс*] Чингиз-хана», в правое и левое крылья [Рашид ад-дин 1952б, с. 266–281].

Академик Б.Я. Владимирцов, исследуя процесс раздачи улусных владений Чингиз-ханом своему окружению, пришел к следующему заключению: «Выделение уделов основывалось на том принципе, что «государство» (*ulus irgen*) является достоянием всего рода того лица, которое создало державу и стало ханом. Так же как род или его ответвление владеет определенной территорией, на которой совместно кочуют его члены – *игух*'и, и владеют людьми, которые являются его потомственными крепостными вассалами (*unagan bogol*), совершенно также род является владельцем народа-государства (*ulus*), проживающего на определенной территории (*nutug*). Происходит, следовательно, перенесение понятий о родовой собственности на более широкую область, на область народа-государства. С этой точки зрения все племена и народы, вошедшие в состав монгольской империи Чингиз-хана, все делаются *unagan bogolam*'и его и

его рода...; поэтому Monggol ulus приобретает значение «народ-государство рода монгол». Власть рода Чингиз-хана над его улусом, т.е. народом-государством, выражается в том, что один из родичей, *altan urug (urux)*'а становится императором, ханом (*хан, хаган*), повелевающим всей империей, избираемым на совете всех родовичей (*xuriltai~xurultai*); другие же члены рода, главным образом, мужские его отпрыски, признаются царевичами (*kobe'un~kobegun*, слово, значащее собственно «сын», тюркский эквивалент *oglan~ulan*), имеющими право на то, чтобы получить в наследственное пользование удел – улус.

Все *kobegun*'ы, таким образом, имеют право на удел, т.е. на часть общего достояния, на часть народа-государства» [Владимирцов 1934, с.98–99].

Конечно же, данный тезис Б.Я. Владимирцова, направленный на обоснование наличия феодальных отношений в кочевом обществе сейчас не может быть принят как подтверждение наличия таковых¹⁰. Но для нас важно конкретное развертывание улусной системы, как формы административного деления государства в виде улусных пожалований, которое в свете вышеприведенных отрывков из «Тайной истории» и «Сборника летописей» несомненно, имело место в истории становления Монгольского государства. Именно в этом плане заключение Б.Я. Владимирцова заслуживает внимания¹¹.

Исходя из этого, вся территория современного Казахстана в полном соответствии с улусной системой была разделена между сыновьями Чингиз-хана. По существу весь Восточный Дашт-и Кыпчак вошел в состав улуса Джучи, центр которого располагался на Иртыше. Лишь отдельные его приграничные регионы вошли в состав улусов младших братьев Джучи Чагатая и Угедея. Территория, отданная второму сыну Чингиз-хана Чагатаю, простиралась от Уйгурии (Восточный Туркестан) через Южное Прибалхашье (Жетысу) до Самарканда и Бухары и от Южного Алтая до истоков Амударии. Юрт Угедея, третьего сына Чингиз-хана и его наследника, располагался в Тарбагатае, центр и усыпальница Угедеевичей находилась в Верхнем Иртыше [Бартольд 1963д, с. 59; Рашид ад-дин 1960, с. 43]. «Несмотря на огромное пространство империи, – писал по этому поводу В.В. Бартольд, – орды трех выделенных сыновей находились в сравнительно близком расстоянии одна от другой: орда Джучи – на Иртыше, орда Угедея – у Чугучака, орда Чагатая – на Или» [Бартольд

1963б, с. 147]. Четвертый и самый младший сын от старшей жены Чингиз-хана Бортэ-фуджин, Тулуй получил улус своего отца Монголию – «коренной юрт».

---

⁹ Сводку основных мнений об этих терминах см. в работе Г.А. Федоров-Давыдова [Федоров-Давыдов 1973, с. 43–45].

¹⁰ Критику напр. см.: [Хазанов 2000, с. 374–378, 453–455, 478].

¹¹ По мнению востоковеда Е.И. Кычанова данный тезис Б. Я. Владимирцова противоречит главной идее власти – избранности не рода, а хана [Кычанов 1993, 148–151]. «Для монгольского вождя, – пишет, однако, Н.Ц. Мункуев, – воспитанного на родовых традициях, оно (монгольское государство – *К.У.*) являлось достоянием всего его рода и подлежало разделу между родовичами, как всякая другая собственность» [Мункуев 1977, с. 393]. Да и сам Чингиз-хан не раз указывал на своих сподвижников как на решающую силу, поднявшую его до уровня всемонгольского хана [Сандаг 1977, с. 36–37; Козин 1941, § 201, с. 156, § 205, с. 161]. К сказанному можно лишь добавить, что избранным в глазах Чингиз-хана и его сторонников был весь монгольский народ [Гумилев, Ермолаев 1992, с. 14].